

Прошло почти полвека, но как обжигающе памятно утро 28 января 1949 года, очередной номер «августейшей» газеты «Правда», а в ней черная газетная полоса: «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Слышу шорох упавшей в дверную щель газеты, помню всякую минуту того утра.

Испуга не было; скорее тайное удовлетворение, что и ты назван среди семерых «критиков-антипатриотов», и ты оболган тупо и крикливо, и тебя не оставили в «праведниках» среди тех, кому позволено сделаться не жертвой, но обвинителем своих же коллег. Сердце надсаживало боль не за себя, а за других, за редкостный талант ученого и стилиста Григория Бояджиева, за тонкий, иронический ум молодого многообещающего критика и драматурга Леонида Малюгина, за мудреца и нашего духовного арбитра Абрама Гурвича, за одного из талантливейших в истории русского театра критиков — Юозовского...

Не было у меня, фаталиста, страха за себя; скорее удивление и дурацкий вопрос: зачем? Во имя чего истязают и лгут? Можно ли так бездарно обкрадывать самих себя?

Все еще жившие в ту пору эйфорией недавней военной победы, мы не то чтобы совсем оглохли, но не умели услышать как единую сатанинскую музыку раскаты зловещих громов, глухие подземные толчки, стоны истязаемых за стенами Лубянки. Не верилось, не хотелось поверить в неотвратимость напавшего на страну апокалипсиса. А ведь судьба давно подавала нам знаки: партии уже велась поистинная, историческая борьба за так называемые «приоритеты», борьба против почудившегося Сталину «низкопоклонства перед загнанным Западом», против формализма в искусстве, «вейсманизма-морганизма» и «меньшевистствующего идеализма» в науке, против прочих огородных чучел, расставленных на нашей земле так густо, что наукам и искусству впору было поддохнуть.

Зима 1949 года тяжкая, арестная, голода арестованных, «взятых» среди ночи («взяли» — наш народный синоним слова «арестовали»; опрощение его до будничности и всеобщности: всех возьмут, всякому свой час!), затихала, запечатывались за стенами Лефортово, Лубянки или Матросской тишины. Для пропаганды они, до поры до времени, ничто.

Идеологии, пропаганда послужила статья в «Правде». Она как выстрел стартового пистолета. Как сигнал к атаке по огромному фронту. Статья эта — высочайше санкционированное объявление десятков тысяч людей вне закона. В любом городишке и поселке страны, где отродясь не видели живого театрального критика, функционеры системы тотчас же поняли смысл и содержание слов «безродные космополиты», и даже одного слова — «безродные!» Кочуют, правда, по Руси цыгане, но легенды советовали беречь от них борзых коней и квартирное добро. Чистоту и святость коммунистических «риз» провокаторы учили охранять от покушений «бесплачпортных бродяг в человечестве» — сиречь евреев. Избирательность травли 1949—1953 годов определялась мгновенно, не потребовалось и инструкций — мы стали свидетелями и жертвами разнуданной и циничной антисемитской кампании. В своем роде она приближалась к геноциду — как попытка уничтожения нации, путем истребления ее культуры, ее интеллигенции, ее языка и исторической памяти.

Сегодня нам представилась возможность ознакомиться с типичным по бездарности и безграмотности партийным документом тех дней. Читая его, не раз испытываешь позыв испривить даже не стилистику, Бог с ней, а чудовищную неясность текста. Делать это нельзя: бескультурье и духовная неопрятность доносчиков должны предстать перед читателями «Вечерней Москвы» во всей своей красе.

В феврале—марте 1949 года большие аудитории, конференц-залы, факультетские помещения, залы творческих союзов, министерств, госучреждений сотрясались от речей доносчиков, прытких стукачей, платных и добродетельных, пролаз и карьеристов. С трибуны понеслись анафемы, в потоках лжи возникали все новые и новые имена и фамилии отданных на заклятие «еретиков», отступников от «советской веры», запруданцев, якобы предавших родину и свой народ. Вот самый краткий, извлеченный из информации некой Сухопаровой, инструктора Краснопресненского РК ВКП(б), список наших злодеяний: «активные проводники гнилых, враждебных советскому народу теорий», «рабелепствующие перед иностранщиной», «отравляющие здоровую атмосферу советского искусства и литературы», лица, «занятые гнусной деятельностью, стремящиеся причинить ущерб советскому искусству», «политически враждебные», «тормозившие развитие советского театра, ослеплявшие все лучшее, передовое и идейное...».

Список не полон, но хватит и этого. Достаточно, чтобы человек непосвященный, неподготовленный, поверивший всему этому, возненавидел выродков и громко

Вер. Москва. — 1996. — 31 сев. — с. 7.

КОЩУНСТВО

Из архивов коммунистической диктатуры

Секретно Краснопресненский РК ВКП(б) 25 марта 1949 года Информация о партийных собраниях по вопросу «Об одной антипатриотической группе театральных критиков»

Партийные собрания по вопросу «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» прошли в большинстве партийных организаций. В Союзе советских писателей, в Государственном Институте Театрального искусства, в Институте Мировой Литературы им. Горького при Академии Наук СССР, в Московской Государственной Консерватории, в Институте им. Гнесиных, на отдельных факультетах Московского Государственного Университета.

Собрания проходили на высоком идейно-политическом уровне. В докладах и выступлениях коммунистов указывалось на огромное значение статей газет «Правда» и «Культура и жизнь», разоблачивших деятельность антипатриотической группы театральных критиков, безродных космополитов, буржуазных эстетов. Жестоко осуждали участников антипатриотической группы театральных критиков, являвшихся активными проводниками гнилых, враждебных советскому народу космополитических буржуазных теорий, рабелепии перед иностранщиной, отравляли здоровую атмосферу советского искусства и литературы, стремились всеми средствами опорочить достижения советской культуры.

Требовали исключения из рядов ВКП(б) тех коммунистов, которые своей гнусной деятельностью стремились причинить ущерб советской литературе и искусству. Выступавшие в прениях члены ВКП(б) говорили о необходимости до конца разоблачить вредоносную деятельность космополитов в критике и литературоведении.

На собраниях вскрывались новые факты антипартийной деятельности критиков космополитов.

На партийном собрании в Институте Мировой Литературы коммунисты в своих высказываниях называли фамилии коммунистов, которые защищали безродных космополитов.

Успенский отметил, что в Институте орудовали безродные космополиты. В институте был культ Шишмарева и Юозовского. Шишмарев всюду выдвигал Кирпотина, а Кирпотин защищал Юозовского. Космополиты сидели в Ученом Совете и в секторах.

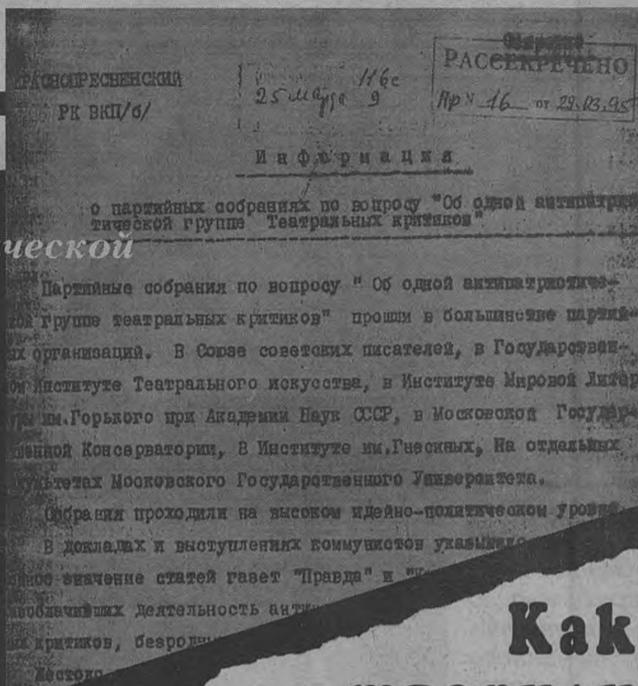
В секторе Западных литератор был Дживилегов, в Ученом Совете — Нусинов. Нусинов благоволил своей ученице Мотылевой. Нович, Яковлев (Хольцман), Мотылева защищали Юозовского, считали его ценнейшим работником, они являлись делегатами по восстановлению Юозовского на работе.

Мартынов, Козмин и другие указывали, что Яковлев (Хольцман) опорочил лучшие произведения советской литературы, грубо извратил метод социалистического реализма.

В своих статьях Хольцман клеветнически писал, что советская литература до Отечественной войны не следовала принципам большевистской партийности. Хольцман (Яковлев) опорочил литературу и послевоенного периода. Он обвинил советскую литературу в том, что она якобы «ничего не рассказывала о десятках и сотнях тысяч советских работников».

Коммунисты единогласно исключили безродного космополита Яковлева (Хольцмана) из членов ВКП(б) за фальсификацию учения Ленина—Сталина, за охаивание советской литературы.

Партийное собрание потребовало персонально разоблачить и рассмотреть вопрос о примиренческом отношении коммунистов Новича, Кирпотина, Мотылевой, Бялика к антипатриотической деятельности безродных космополитов Нусинова, Юозовского, Хольцмана.

Как творили расправу над «безродными космополитами»

Отечественной войны. В репертуар актерских курсов не включались лучшие советские пьесы, идущие в лучших театрах. Сценические отрывки часто тоже носили аналитичный (аполитичный? — Ред.) и формалистический характер (Симонов, Шаповалов).

Залесский в пример беспринципной аполитичной работе ученого Совета Института привел факт присвоения ученых степеней Головешенко, который рисует героизм с позиций нищенских, т.е. по существу фашистских (героизм «избранных», «особых» личностей), и Ершову, клеветнически искавшего учение Станиславского.

Асеев посвятил свое выступление подробной критике всех «трудов» Всеволодского-Геринграсса, показав его как сторонника иностранной (немецкой) ориентации, отрицающего самостоятельность русского театра, его мировое значение и его идейность. Он стремился уничтожить русскую драматургию, идейную основу театра.

В выступлениях отмечалось, что в институте создавалась атмосфера «преклонения», «восхищения», оберегания профессуры от критики. Всякая критика воспринималась как личное оскорбление, особенно этим страдал Алперс (зав. кафедрой русского театра). Алперс, как отмечали в выступлениях студенты, лекцию о Горьком читал всего два часа, причем его пьеса «Мещане» объявлялась неудавшейся. А пьесу Эрдмана «Мандат» читали несколько дней вслух. Советским пьесам приклеивался термин «Хроникальная драма».

Отдельные коммунисты на убедительных примерах из цитат, взятых из книги Алперса, отчетливо показали антиучность и политическую враждебность высказываний антипатриотов, опирающихся на субъективный идеализм. Названные патриоты (так в тексте. — Ред.) торжестили развитие советского театра, ослепывая все лучшее, передовое, идейное в нем.

Коммунисты вносили предложения убрать из стен Института антипатриотов — Малюгина, Бояджиева, Алперса, Всеволодского-Геринграсса, бывшего директора Института т. Мокульского требовали персонально обсудить на партийном собрании.

Тов. Мокульский решением партийного собрания от 23.III.49 г. исключен из членов ВКП(б) за антипатриотические поступки.

Малюгин, Бояджиев, Алперс, Всеволодский освобождены от работы в Институте как необеспечивающие идейно-политического уровня в преподавании.

В Союзе советских писателей собрание прошло на высоком уровне. Коммунисты в своих выступлениях до корня разоблачали театральных критиков, указывая на всю вредность их взглядов. Ярко показывали патриотизм деятелей советской культуры, искусства и литературы. Заявляли, что не место космополитам в рядах партии, требовали исключения из рядов ВКП(б).

Коммунисты парторганизации Союза Советских Писателей единогласно исключили из партии космополитов Данина, Субботинского, Левина, Алтмана, Бровмана.

Парторганизации ЦСР продолжают работу по разоблачению безродных космополитов.

В Парторганизации философского ф-та Московского Государственного Университета четвертый день продолжается собрание по данному вопросу.

Партийное бюро разоблачало факты на указанных товарищей подтвердились. Мотылева, Кирпотин решением партийного собрания исключены из членов ВКП(б). Нович получил строгое партийное взыскание.

На партийном собрании в Институте Театрального Искусства коммунисты в своих выступлениях на примерах показали враждебное космополитичное лицо антипатриотов. Подвергли резкой критике профессора Алперса (зав. кафедрой истории русского театра), Бояджиева — преподаватель, доцент, руководитель критического семинара, профессора Мокульского (бывш. директор Института), профессора Всеволодского — Геринграсса, Дживилегова (зав. кафедрой всеобщей истории театра).

Отмечалось, что Бояджиев и Малюгин на кафедрах работали бесконтрольно. Тематика работ не включала в себя Маяковского, Алексея Толстого, Ромашова, драматургию

Отечественной войны. В репертуар актерских курсов не включались лучшие советские пьесы, идущие в лучших театрах. Сценические отрывки часто тоже носили аналитичный (аполитичный? — Ред.) и формалистический характер (Симонов, Шаповалов).

Залесский в пример беспринципной аполитичной работе ученого Совета Института привел факт присвоения ученых степеней Головешенко, который рисует героизм с позиций нищенских, т.е. по существу фашистских (героизм «избранных», «особых» личностей), и Ершову, клеветнически искавшего учение Станиславского.

Асеев посвятил свое выступление подробной критике всех «трудов» Всеволодского-Геринграсса, показав его как сторонника иностранной (немецкой) ориентации, отрицающего самостоятельность русского театра, его мировое значение и его идейность. Он стремился уничтожить русскую драматургию, идейную основу театра.

В выступлениях отмечалось, что в институте создавалась атмосфера «преклонения», «восхищения», оберегания профессуры от критики. Всякая критика воспринималась как личное оскорбление, особенно этим страдал Алперс (зав. кафедрой русского театра). Алперс, как отмечали в выступлениях студенты, лекцию о Горьком читал всего два часа, причем его пьеса «Мещане» объявлялась неудавшейся. А пьесу Эрдмана «Мандат» читали несколько дней вслух. Советским пьесам приклеивался термин «Хроникальная драма».

Отдельные коммунисты на убедительных примерах из цитат, взятых из книги Алперса, отчетливо показали антиучность и политическую враждебность высказываний антипатриотов, опирающихся на субъективный идеализм. Названные патриоты (так в тексте. — Ред.) торжестили развитие советского театра, ослепывая все лучшее, передовое, идейное в нем.

Коммунисты вносили предложения убрать из стен Института антипатриотов — Малюгина, Бояджиева, Алперса, Всеволодского-Геринграсса, бывшего директора Института т. Мокульского требовали персонально обсудить на партийном собрании.

Тов. Мокульский решением партийного собрания от 23.III.49 г. исключен из членов ВКП(б) за антипатриотические поступки.

Малюгин, Бояджиев, Алперс, Всеволодский освобождены от работы в Институте как необеспечивающие идейно-политического уровня в преподавании.

В Союзе советских писателей собрание прошло на высоком уровне. Коммунисты в своих выступлениях до корня разоблачали театральных критиков, указывая на всю вредность их взглядов. Ярко показывали патриотизм деятелей советской культуры, искусства и литературы. Заявляли, что не место космополитам в рядах партии, требовали исключения из рядов ВКП(б).

Коммунисты парторганизации Союза Советских Писателей единогласно исключили из партии космополитов Данина, Субботинского, Левина, Алтмана, Бровмана.

Парторганизации ЦСР продолжают работу по разоблачению безродных космополитов.

В Парторганизации философского ф-та Московского Государственного Университета четвертый день продолжается собрание по данному вопросу.

Инструктор-информатор РК ВКП(б) Сухопарова

возopil: доколе будет позволено подобным монстрам оставаться на свободе, поганить нашу землю?!

Два поколения сменились с той поры, и большинству читателей имена и фамилии тех, кто предавался анафеме, мало что говорят.

Кто же они, эти «злодеи»?

Отвечу одним словом: лучшие! Да, из лучших, из заметных, много сделавших, много потрудившихся в самых разных областях науки и искусства. Из лучших, из тех, чьи дела и рабочие успехи способны были вызвать разлитие желчи у завистников. Серьезно и сосредоточенно делавших свое дело и уже потому не готовых к войне с демагогами, с житейской грязью и доносителизмом. Дело не в том, что я хорошо знал многих из них, знал их гражданскую честность, благородство и эрудицию, — это имена людей, достаточно известных в истории нашей культуры. Минули десятилетия, из памяти ушли или почти ушли грязные выпады в их адрес, и что же нам говорят сегодня энциклопедические словари последних выпусков?

В. Н. Всеволодский-Геринграсс — доктор наук, профессор, автор важнейших трудов по истории древнерусского театра и театра XVIII века; профессора А. К. Дживилегов и С. С. Мокульский — крупнейшие фигуры отечественного театроведения и литературоведения первой половины XX века, авторы классических трудов по истории искусства эпохи Возрождения, учебников и монографий; Д. С. Данин — литературный критик и ученый, обреченный на уничтожение трибунами провокаторами 1949 года, стал лауреатом госпремии, автором переведенных на многие европейские языки фундаментальных монографий о Нильсе Боре и Резерфорде, автор одной из интереснейших книг нашего времени «Неизбежность странного мира» и книги воспоминаний и размышлений о Борисе Пастернаке; В. Я. Кирпотин — известный литературовед, чьи труды о Достоевском и Салтыкове-Щедрине отмечены в «Энциклопедическом словаре» всех последних выпусков; Т. Л. Мотылева — профессор и доктор наук, травимая тогда, как «космополит», третирующий русскую классическую и современную литературу, получает в энциклопедии высокое признание как автор известных исследований нашей литературы XIX и XX веков, особенно же трудов на тему значения русской литературы в мировом литературном процессе; Л. А. Малюгин — его талант подарил нам монографию о Хмелеве и другие книги, множество ярких статей, пьесу «Старые друзья», обошедшую сцены наших и зарубежных театров, пьесы о Чехове и Сент-Экзюпери...

Вот кто подлежал истребительной критике и разгрому!

Я не упомянул только нескольких одаренных, честных литераторов, чей труд оказался менее заметным, не столь значительным, отчего чистота и праведность их жизни нисколько не умаляются. Все они уже ушли, иные ушли не без помощи издевавших им нервы «эксекюторов 1949 года».

Мир их праху и низкий поклон за труды всей жизни.

Кто же толкал всех этих тружеников культуры, людей незаурядного таланта, в пропасть, кто пытался измазать их с трибуны грязью и нечистотами?

Анонимы. Крикуны. Бездари, не оставившие и малого следа в науке и литературе, не написавшие ни одной, достойной упоминания странички. Два-три никому ничего не говорящих имени, взятых автором партийной «информации» доноса в скобки, упоминающих того ради, чтобы ядовитое, болотное поле доноса не показало совсем уж безлюдным. (Замечу, что названный среди них Асеев не имеет ничего общего с известным поэтом, другом Маяковского Николаем Асеевым.)

Могу войти в положение сегодняшнего читателя: не так уж просто поверить в то, что на талантливых, нужных стране людей могли вдруг осанелено и тупо наброситься те, кто ведает газетами, трибунами, наукой, просвещением, идеологией. Возможно ли такое?

Невозможно, пока в обществе верховенствуют разум и справедливость. И возможно, возможны самые чудовищные извращения, когда общество поражено безумием, партийной и сектантской эйфорией, высокомерием непрощенных, но беспощадных «поводырей народа».

Тогда не спрашивают о логике и разуме. Тогда на авансцену выходят не труженики и мастера, не ученый, не талант, а околоточный надзиратель, уличный «топту», не знающий удержу демагога.

Вот почему сегодня так важна и остро актуальна эта публикация. Мы на пороге выбора, важнейшего для судьбы страны и каждого из нас. Стоит у кормила власти оказаться партии насилия — оно ведь отлично умеет до поры скрывать лицо физического насилия — и подобные «досенария», «информации», «сигналы» по партийной иерархии снова сделаются обыкновением.

Кощунство, как и все недоброе, кахущееся невозвратным, без труда возвращается.